

СТАТЬИ

РУССКАЯ ПОЛИТИКА НА БАЛКАНАХ И НАЧАЛО ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ

С. Никитин

В период обострения русско-турецких отношений в связи с вопросом о «ключях от никогда не запиравшейся церковной двери» разразился черногорско-турецкий конфликт. Его исходные моменты связаны с теми переменами во внутреннем строе Черногории, которые произошли со смертью Петра II, последнего повелителя этой страны, соединявшего в своих руках и светскую и духовную власть: Преемником его должен был быть племянник Петра II, Данило, воспитывавшийся для занятия архиерейского поста. В момент смерти Петра Данило находился в Вене, откуда он должен был ехать в Россию учиться и где он получил письмо от русского посла Мейендорфа, подтверждавшее права Данилы на владычество в Черногории. Это письмо¹ было направлено против брата покойного Петра — Пера Петровича, стремившегося взять княжескую власть в свои руки. Не имея никакого желания надевать монашескую рясу, Данило, с согласия России, 8 сентября 1852 г.² добился провозглашения себя князем.

Такая секуляризация верховной власти не встретила одобрения в Турции, всегда претендовавшей на господство в Черногории. Турция сочла момент удобным для выступления и решила осуществить его в форме военного вмешательства. Но не успел покоритель Боснии и Герцеговины, один из лучших турецких генералов, Омер-паша³ двинуть свои войска, как черногорцы в ночь на 12 (24) ноября 1852 г. захватили расположенное на берегу Скадрского озера турецкое укрепление Жабляк. Повод для этого набега дали турки же, благодаря интригам и подкупу которых от Черногории отложился округ (нахия) Пипери, а отдавать его без борьбы черногорцы не собирались. Сконцентрировав силы, они препятствовали движению турок в сторону Жабляка; турецкие призывы к албанцам не подвинули последних на выступление против Черногории. Это позволило черногорцам одержать в первых числах декабря новые успехи у Таскова. 14-го числа того же месяца Турция объявила блокаду Черногории и сообщила об этом послам представленных при ней держав⁴. Вскоре черногорские отряды потерпели поражение у Жабляка и, предварительно разрушив Жабляк, были вынуждены очистить его. Тем временем положение Черногории становилось всё более угрожающим: к берегам Албании отправился турецкий флот. Омер-паша во главе своих войск приближался к границе, скадрский паша был готов ударить с другой стороны. Бедная военными ресурсами страна была вынуждена переплавить на пули типографские шрифты, использовать церковные книги на производство патронов⁵. И независимо от военных приготовлений в

¹ Оно напечатано у П. Ровинского «Черногория в прошлом и настоящем». Т. III, стр. 18—19. Птгр. 1915.

² Даты, где это специально оговорено, приведены по старому стилю; двойная датировка заимствована из дипломатических документов.

³ Омер-паша ранее был австрийским офицером. В 1828 г. дезертировал, поступил на турецкую службу и принял мусульманство.

⁴ Frilley G. et Wlahowitj J. «Le Montenegro contemporain», p. 64. Paris. 1876.

⁵ Лавров П. «Пётр II Петрович Негош, владыка черногорский, и его литературная деятельность», стр. 57. М. 1887.

Вену и Петербург был отправлен дядя князя Данилы с просьбой о вмешательстве.

Конфликт, естественно, уже привлёк к себе внимание России и Австрии. Первая в самом начале военных действий рекомендовала черногорскому князю «прекратить всякое наступательное движение против войск султана и возвратиться в свои горы, где и защищаться в случае нападения»¹. Одновременно посол в Константинополе сделал представление о несправедливости и несвоевременности объявления войны не подчинённому Порте народу. Австрия, после 1848 г. опасавшаяся повторения восстаний в своих пределах, привела в военную готовность войска, расположенные в Далмации, двинула часть флота для воспрепятствования появлению турецких судов у своих берегов, концентрировала и усиливала свои войска в Хорватии². Все эти приготовления имели целью помешать расширению антитурецкого движения не только в славянских провинциях Австрии, но и пресечь возможность каких-либо попятных этого рода со стороны Сербии. Надо сказать, что опасения подобного рода были и в Турции.

14 (26) января поверенный в делах в Константинополе Озеров сообщал о приведении на военное положение редифов, прибытии военного снаряжения в Адрианополь. «Это боязнь восстания христианских народов заставила принять такие угрожающие меры. В то же время паши получают неограниченную власть и поддерживаются повсюду регулярными войсками и бандами башибузуков, уже давно жаждущими крови и резни»³.

Как показывает депеша консула в Белграде Туманского от 27 января, эти опасения имели некоторые основания. По крайней мере в Сербии «белградская публика и народ обещают помочь своим собратьям. Что же касается сербского правительства, не разделяя общего энтузиазма, оно сохраняет спокойное отношение, не высказываясь ни за, ни прогив в этом вопросе, который может быть решён лишь благоприятно сложившимися для той или другой из борющихся сторон обстоятельствами»⁴. Австрийское правительство в январе 1853 г. отправило полковника Стратимировича в Боснию, Сербию и другие соседние области, чтобы ознакомиться с настроениями. В подробном отчёте о поездке Стратимирович успокаивал австрийское правительство и указывал на отсутствие вождей в Боснии, отрицал наличие у босняков связей со славянами в пределах Австро-Венгрии, утверждал, что революционной пропаганды в этих областях не ведётся⁵.

Столкновение в Черногории вызвало интерес и в отдалённых странах. Лондонская «Таймс» 14 января 1853 г. нов. ст. поместила статью, где говорилось, что европейские государства не могут спокойно глядеть на происходящие события. Английская газета рекомендовала вмешательство великих держав⁶.

Тем временем военные действия продолжались⁷, но не прекращались и усилия дипломатии. 19 (31) января 1853 г. из Петербурга был отправлен со специальной миссией в Черногорию Егор Петрович Ковалевский. Выбор пал на него не случайно. Ковалевский (1811—1868) — горный инженер

¹ Архив внешней политики (АВП). Азиатский департ., I отделение, политический стол, оп. 45, д. № 1, 1853 г. «О командировке Ковалевского Е. П. в Черногорию для наблюдения за ходом столкновения с Турцией», л. 6 (далее указываем номер дела, год и лист).

² Beer A. Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774», S. 435—436. Prag. 1883.

³ АВП. Канцелярия (К.). 19, Constantinople, 1853, л. 49—50.

⁴ АВП, К., Belgrade, 1853 г., л. 3.

⁵ Borbeluh, B. «Урна Гора и Аустрија 1814—1894», стр. 71—74. Белград. 1924.

⁶ Ђоровић В. «Лука Вулаквич и херцеговачки устанци от 1852—1862 године», стр. 19. Белград. 1923.

⁷ Обзор военных действий см. у Gerba R. zur Geschichte der Ereignisse in Bosnien und Montenegro. 1853. Mitteilungen des K. K. Kriegsarchivs. Bd. I. Wien. 1837.

по образованию и первым годам своей службы — вскоре перешёл в министерство иностранных дел и в 1837 г. был командирован по просьбе Петра II в Черногорию. Не столько геологоразведочные работы, сколько постройка порохового завода были целью его поездки. В 1839 г. он был послан в Бухару. В 1847 г. ездил в Египет для разведки золота и совершил экспедицию в глубь Африки, о чём, как и о своей черногорской поездке, опубликовал интересные записки. В 1850 г. сопровождал русскую миссию в Пекин и участвовал в заключении Кульджинского договора, открывшего торговый путь в Западный Китай. В том же году он вновь побывал в Черногории¹. Человек, прекрасно знавший местную обстановку, свободно объяснявшийся по-сербски, находчивый и решительный, европейски образованный, обладавший хорошими техническими знаниями, — это был лучший из возможных представителей России.

В данной Ковалевскому инструкции так формулировалась его задача: «...успокоить, насколько возможно, умы, советовать сдержанность и осторожность и помешать жестокостям в беспорядочных репрессиях, делающим борьбу лишь кровопролитнее, а умиротворение труднее». Эти общие задачи должны были быть конкретизированы в Вене и окончательно уточнены в Дубровнике. На случай, если бы призывы к умиротворению были безрезультатны и наступление Омер-паши продолжалось, Ковалевскому поручалось совместно с командованием австрийских войск принять нужные меры², а независимо от того войти и в личные переговоры с Омер-пашой³.

По приезде в Вену Ковалевский, помимо встреч с министром иностранных дел графом Буолем и австрийским генералитетом, получил аудиенцию у Франца-Иосифа, на которой исходатайствовал для Черногории шесть пушек (сверх шести, уже отправленных австрийцами ранее) и получил заверения относительно сочувствия бедственному положению этой страны⁴.

Пока Ковалевский был в Вене, австрийское правительство отправило своих представителей — Калика и Иовановича — к Омер-паше. Они 6 (18) февраля заявили ему то же, что Франц-Иосиф говорил Ковалевскому: австрийские войска вторгнутся в пределы Турции, если турки нарушат австрийскую границу или сделают попытку использовать Клек и Суторину⁵ для военных целей. К этим предупреждениям было прибавлено требование об удалении из турецких войск всех венгерских и польских эмигрантов. Омер-паша заявил об отсутствии намерений двигаться в сторону Австрии и выразил согласие фиксировать положение Клека и Суторины, а из эмигрантов хотел оставить при себе лишь одного врача⁶.

Независимо от миссии Калика и Иовановича Австрия концентрировала войска на границе Боснии и направила в Константинополь графа Лейнингена с ультиматумом об отозвании турецких войск из Черногории и теми требованиями, какие были уже предъявлены Омер-паше. Эти осложнения в русско-черногорско-австрийских отношениях с Турцией протекали в то самое время, когда подготавливалось разрешение гораздо более крупных и существенных международно-политических вопросов.

22 января (3 февраля) происходил известный разговор Николая I с

¹ Позже (1856—1861) Ковалевский был директором Азиатского департамента, а с 1861 г. — сенатором. Собрание сочинений Ковалевского содержит важнейшие его работы, выходявшие отдельными изданиями.

² АВП, д. № 1, 1853 г., л. 6—13.

³ Там же, л. 14.

⁴ Там же, л. 21—22.

⁵ Клек и Суторина — земельные участки, уступленные Турции Рагузанской республикой, стремившейся отгородиться турецкими владениями от нападений Венеции, владевшей Катарро (Котор) и Спалато (Сплит). Наполеоном они были включены в состав иллирийских провинций. В 1814 г. Австрия передала их Турции. Австрия претендовала на создание особого status'a для этих территорий.

⁶ Веег А. Op. cit., S. 439—440.

лордом Г. Сеймуром, разговор, которым Николай пытался вовлечь Англию в раздел имущества «умирающего больного»¹. Попутно был затронут и черногорский вопрос как иллюстрация положения христиан в Турции. Хорошо известна безрезультатность этих переговоров. Слишком большую определённую в постановке вопросов во время этой беседы вскоре пришлось маскировать Нессельроде в своих комментариях к этим беседам. Неизбежность происшедшей неудачи понимал Нессельроде, говоря в письме к послу в Англии Бруннову о перспективе разгрома русской торговли и приморских городов соединённым флотом Турции, Англии и Франции. Тем не менее 29 января (10 февраля) 1853 г. в Константинополь был отправлен со специальной миссией князь А. С. Меншиков, но результатом его миссии, как известно, было дальнейшее обострение восточного кризиса. Недаром одна из его инструкций, начинавшаяся уверенностью в удачном выполнении миссии, заканчивалась наставлениями на случай разрыва отношений. Но независимо от последствий переговоров Меншикова вопрос о Черногории должен был решаться в направлении умиротворения. Правда, русская дипломатия не обольщалась в этом отношении надеждами на успех переговоров Меншикова, так как было ясно, что австрийские меры будут быстрее и эффективнее. Русский посол в Вене об этом писал: «Князь Меншиков также будет очень твёрдо говорить в Константинополе по поводу Черногории, но решительный удар будет нанесён графом Лейнингеном, который там уже находится, в то время как Меншиков прибудет туда не ранее чем через две недели»².

Действительно, хотя первые шаги Лейнингена были не легки, однако вскоре морские державы дали совет Порте уступить. Было слишком существенно разорвать то сближение, какое намечалось между Россией и Австрией на почве черногорского вопроса. Турецким правительством были даны Омер-паше распоряжения о выводе войск из Черногории. Оставалось улаживать только детали в вопросе о восстановлении status quo. К этому и перешёл Ковалевский.

Грахово — территория, представлявшая предмет спора между Черногорией и Турцией, — было очищено войсками Омер-паши, а последнему были возвращены захваченные у турок орудия. Приходилось спешить с восстановлением мирных отношений, в частности, потому, что неудачу своей попытки покорить Черногорию турки вымещали на пленных, ставя их в условия, при которых в течение недели в скадрской тюрьме из четырёх человек умерло трое.

16 (28) февраля 1853 г. между Омер-пашой, с одной стороны, Ковалевским и австрийским полковником Зайтсеком³ — с другой, было подписано в Подгорице соглашение. Оно предусматривало взаимный возврат пленных, Черногория должна была вернуть взятые в боях у турок орудия и захваченный скот; договорились также о соблюдении порядка в пограничных районах во время полевых работ⁴. Вскоре турками была прекращена и блокада побережья, примыкающего к Черногории⁵.

Итоги этого непродолжительного, но острого столкновения Черногории с Турцией Ковалевский оценивал так: «Если война Турции с Черно-

¹ Зайончковский А. «Восточная война 1853—1856 гг.». Т. I, стр. 389. СПб. 1938.

² Meyendorff P. «Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien». Вд. III, S. 10—11, Berlin. 1923. Приведённые факты ясно говорят, насколько неправ Бапст, утверждающий, что «императору Николаю очень не нравились действия Австрии; он полагался на черногорское восстание, и подавление его, возможно, неразумное, турками должно было доставить мотив для оправдания русского военного вторжения в Османскую империю» (Bapst E. «Les origines de la guerre de Crimée», p. 335. Paris. 1912).

³ Зайтсек был преподавателем военных наук у кобургских принцев. За неудачи при подавлении революции в Венгрии назначен комендантом Катарро.

⁴ АВП, д. № 1, 1853 г., л. 34.

⁵ АВП, К., 19, Constantinople, 1853 г., л. 125.

рией имела несчастные последствия для последней, особенно тем, что возбудила поплеменную вражду внутри её, как неизбежное последствие подкупа и прокламаций Омер-паши и измены некоторых племён,— то она была гораздо пагубнее для войск турецких¹.

Но и Черногория потребовала известных восстановительных расходов. В донесении от 12 (24) марта 1853 г. Ковалевский сообщал, что хлебом черногорцы снабжены достаточно, так как он был пожертвован австрийским правительством и жителями Триеста, но на постройку уничтоженных жилищ, церквей и т. д. Ковалевский решил выдать 5600 гульденов из средств, ассигнованных царским правительством на военные нужды Черногории². Несколько позже Ковалевский вынужден был увеличить эту сумму вдвое.— до 11 600 гульденов³.

Не лишено интереса то обстоятельство, что деньги эти хранились у австрийского генерал-губернатора Далмации генерала Л. Мамулы, которому Ковалевский и поручил передать эту сумму поверенному князя Данилы. Этот факт, равно как приводившееся выше указание на снабжение Черногории пушками из Австрии, свидетельствует о том единодушии, какое имело место между Россией и Австрией по вопросу о ликвидации черногорско-турецкого конфликта. В данный момент, когда надежда на мирный исход восточного кризиса ещё не была потеряна, когда вопрос о расстановке сил в эвентуальном столкновении представлял так много неясностей, что Нессельроде готов был рассчитывать на Англию как на будущего союзника⁴, Россия не имела интереса к расширению турецко-черногорской борьбы. Помочь решению основного вопроса и быть чем-либо существенным для решения крупных проблем мировой политики Черногория не могла, а углубление этого частного конфликта грозило осложнениями, в данный момент нежелательными.

В этой связи понятно, почему не имели успеха те дальнейшие представления, какие были сделаны Ковалевским относительно черногорских дел. В донесении от 5 (17) июня он представлял довольно подробный и интересный анализ положения страны, усматривая существенную причину постоянных черногорско-турецких столкновений в неясности её пограничной черты и недостаточной государственной консолидации, чему способствовало отсутствие точной границы. «Несколько отдельных племён, не признающих над собою ни власти турок, ни зависимости от Черногории и управляемых своими воеводами и сердарями (местными старшинами.— С. Н.) со времени падения Сербского царства, как, например, васовичи, журжевы, ступы и др., дополняют беспорядок, существующий на границах Черногории и Турции». Эти бесконечные пограничные распри создают «постоянное осадное положение» страны, которая подчас лишается даже необходимейших средств существования и не имеет выхода для сбыта своих продуктов. Ковалевский предлагал территориальный обмен, который открыл бы Черногории выход к морю через порт Антивари.

¹ АВП, д. № 1, 1853 г., л. 31, 32. В своей депеше от 5 (17) июня 1853 г. Ковалевский возбуждал вопрос о разрешении переселиться в Россию боснякам и герцеговинцам — участникам борьбы с турками на стороне Черногории. После обещания, данного Омер-пашой о непереследовании их, человек 60 возвратились домой, но там были схвачены и казнены турками. Прочие воздержались от возвращения. Положение их было тяжёлое. Расселить боснийских крестьян в имеющей мало удобной земли стране было трудно. Временный выход из положения был найден Ковалевским, убедившим князя поселить их на своих землях. Тем не менее они оказывались бременем для страны. Ссылаясь на пример Австрии, принявшей в 1851 г. участников боснийского восстания, Ковалевский предлагал разрешить их переселение в Россию, обеспечив переселенцев известной суммой денег (там же, л. 68—69). Однако эта мысль не нашла отклика у заинтересованных: желающих переселиться не нашлось (Борфевин В. Указ. соч., стр. 86).

² АВП, д. № 1, 1853 г., л. 42.

³ Там же, л. 69.

⁴ См. Зайончковский А. «Восточная война 1853—1856 гг.». Приложения. Т. 1, стр. 365. СПб. 1908.

Но совершенно понятно, что этот вопрос в условиях общего кризиса не мог стать предметом дискуссии.

Не мог найти разрешения и другой вопрос, поднятый Ковалевским в той же депеше, — вопрос о признании Турцией независимости Черногории. Прошло ещё двадцать пять лет, прежде чем оба эти вопроса нашли своё решение в Берлинском трактате, и именно такое, какое намечал Ковалевский. Только один вопрос из поднятых Ковалевским в этой связи оказался быстро разрешённым. Это вопрос о расширении контингента черногорцев, обучавшихся в русских военных и духовных школах. Вопрос этот был тесно связан с текущей политической ситуацией, и министерство иностранных дел уже в июле 1853 г. извещало посла в Вене Мейендорфа о мерах, принятых им по этому вопросу¹.

К моменту ликвидации черногорско-турецкого конфликта восточный кризис был в полном разгаре. В день подписания указанного выше соглашения между Омер-пашой, Ковалевским и Зайтсеком — 16 (28) февраля — князь Меншиков прибыл в Константинополь. Два с половиной месяца длились переговоры русского посла, но вряд ли они могли изменить направление дела, исход которого был предreshён позицией заинтересованных держав. «Правительства со своей старомодной дипломатией никогда не разрешат этого затруднения. Решение турецкой проблемы, как и многих других, выпадет на долю европейской революции»².

6 (18) мая 1853 г. произошёл разрыв русско-турецких переговоров. Правительство Николая I уже ставило на очередь осуществление тех планов, какие предварительно намечались им ещё в период переговоров. Мысль о десанте в Константинополь, выдвинутая Николаем I в январе 1853 г.³, была вскоре оставлена. Появилась идея активной наступательной войны — десант в Варне и Бургасе и наступление через Дунайскую Болгарию и Балканы к Константинополю⁴. Но под влиянием Паскевича, «отца-командира», как звал его Николай, появился новый план, разделявший всю совокупность мероприятий на три «эпохи». Отправной точкой в формулировании Николаем этого плана была всеподданнейшая записка Паскевича от 24 марта 1853 г.⁵ В ней Паскевич выражал сомнения в выполнении наступательного плана борьбы, считая, что такой план потребует гораздо больше затрат и живой силы, чем это предусмотрено даже в том случае, если турецкие войска Боснии и Далмации будут отвлечены австрийцами. Вместо того он предлагал занять княжества Молдавию и Валахию и объявить, что они не будут очищены до тех пор, пока Турция не удовлетворит требований России. Это будет выгодно, так как войска будут содержаться княжествами, а фураж вообще не будет стоить ничего. Молдаво-валахское войско следует увеличить вдвое, до 20 тыс., сделав его ядром для дальнейших формирований. В то же время «можно воспользоваться оставшимся влиянием нашим на христианские племена в Турции, на болгар и даже сербов. Вопрос о святых местах для них — дело священное. Они сами будут переходить к нам за Дунай. Им недостаёт оружия и пороха; дать им то и другое, сделав предварительно запас до 30 тыс. рублей в Измаиле».

В дополнениях к этой записке он говорит о важности иметь агентов в Болгарии, «которые бы поддерживали привязанность к нам», и думает, что они появятся при первом поощрении. «Предлагаемая мера, когда бы

¹ АВП, д. № 1, 1853 г., л. 78—79.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 395.

³ См. Зайончковский А. «Восточная война 1853—1856 гг.». Приложения. Т. I, стр. 582.

⁴ Там же, стр. 597—598.

⁵ Опубликована дважды: в «Русской старине» за август 1876 г. и в работе А. Зайончковского «Восточная война 1853—1856 гг.». Приложения. Т. I

то угодно было Вашему Императорскому Величеству, могла сделаться началом распада Турецкой империи». Помимо материальных преимуществ, способ этот «достигает цели без объявления войны и, следовательно, даёт возможность иностранным державам видеть в том только простое возмездие за неисполнение Турцией трактатов», а главное, «даёт нам на будущее время такое орудие, которое в случае нужды без войны может повести в три, четыре года к верному завоеванию Европейской Турции»¹.

Цель Николая, как известно, заключалась именно в этом. Что же удивительного, что этот проект, при всей его политической нелепости, понравился Николаю? Ведь он в это время был вполне уверен в поддержке Австрии, тем более Пруссии, а русские дипломаты полагали, что английский посол в Турции Каннинг ведёт в Константинополе личную политику, а не политику кабинета; Бруннов в своих депешах вуалировал в прекрасных французских фразах неблагоприятные для России заявления английских государственных деятелей, иные же, как Титов, посланник в Константинополе, решительно отвергали возможность создания антирусской коалиции западных держав, полагая, что она рассеется при одном слове Николая о нежелании увеличивать свои владения «территориальными останками» Турции².

Если последняя мысль была свидетельством известных сомнений относительно возможности раздела Турции без участия европейских держав, позиция которых в этом вопросе была ясна, — сомнений, которые разделял и Николай, говоря о «неопределительности цели действий»³, — то, зайдя так далеко в своём давлении на Порту, Николай был вынужден что-то предпринять. Это «что-то» он и формулировал в своей майской записке. План, начертанный там, распадался на три этапа («эпохи»). Первый из них состоял в занятии княжеств, производимом после того, когда выяснится нежелание Турции идти на уступки. «В этом положении... будем мы ждать, какое впечатление занятие сие произведёт на турок»⁴. Во втором этапе предусматривались занятия Австрией Сербии и Герцеговины, блокада Россией Босфора и её угроза признать независимость Сербии и княжеств. Задачи третьего этапа, как они сформулированы Николаем, ещё раз свидетельствуют о той растерянности, которая отразилась в словах о «неопределительности цели действия»: «Ежели и угроза не подействует, тогда наступит время угрозу исполнить и признанием независимости княжеств положить начало разрушения Оттоманской империи. Один всемогущий Бог определить может, что за сим последует. Но приступать к дальнейшим действиям я и тогда не намерен».

В этом плане сквозит надежда на то, что положение Турции настолько плохо и она так слаба, лишена средств и сил для борьбы, что легко падёт даже от малого усилия. Что тут имело место такое убеждение, видно и из других высказываний Николая. В письме Францу-Иосифу от 20 июня (2 июля) 1853 г. он говорит: «Я не могу больше удерживать в мире болгарский, греческий и другие народы, раздражённые и нетерпеливые. Возможно, если не наверное, что они все восстанут... Результатом этого будет разрушение Оттоманской империи в Европе, без какого-либо содействия нашего оружия»⁵. Русская дипломатия и Николай I совсем не учли тех сигналов, какие поступали из Константинополя. Ещё 24 апреля (6 мая) Меншиков уведомлял об организации Оттоманского банка: «Компания, которая только что образовалась под руководством (patronage)

¹ «Русская старина» за август 1876 г., стр. 687.

² Зайончковский А. «Восточная война 1853—1856 гг.». Т. II. Ч. 1-я, стр. 27.

³ Записка Николая I от 16—17 мая 1853 года. Опубликована дважды: «Русская старина» за август 1876 г.; Зайончковский А. «Восточная война 1853—1856 гг.».

⁴ Подчёркнуто в подлиннике.

⁵ Приложения. Т. II, стр. 243.

нескольких богатых армянских семей, подданных Порты, но которая в ещё большей части есть английское предприятие, чем национальное, начнёт свои операции с 1 июня и будет действовать пятнадцать лет»¹. Капитал компании определялся в 100 млн. пиастров, из которых 30 давало государство, а остальные получались от продажи акций. Ближайшей задачей банка был переход на полноценную монету, но совершенно очевидно, что этим дело не могло ограничиться. То обстоятельство, что устав Banque Otomane подчёркивал, что в числе других отделений банка будет открыто также лондонское отделение «для нужд внешних сношений» (pour la nécessité de ses relations extérieures)², подтверждало вполне сообщение Меншикова. Источник финансирования военных расходов Турции был найден. Ещё менее учитывалась реальная политическая обстановка. Цитированное дружеское письмо к Францу-Иосифу содержало предложение поддержать программу расчленения Турции на ряд независимых от Порты государств, находящихся под совместным протекторатом России и Австрии, и образования интернационализованной зоны свободного города (ville libre) в Константинополе под гарантией всех держав. Сообщение Мейендорфа, что такие планы не встретят сочувствия Австрии, так как она «ничего не выиграет от падения Оттоманской империи»³, не оказывали никакого действия. Тем более не могли сочувствовать этим планам Англия и Франция.

21 июня (3 июля) 1853 г. планы Николая I начали реализовываться: русские войска перешли Прут и вступили в княжества.

В подписанной Николаем 30 мая инструкции на имя князя М. Д. Горчакова, командующего оккупационной армией, определялись его отношения к строю и управлению княжествами: «Во время оккупации ничто не должно быть изменено во внутренней организации княжеств и в формах их управления. Но органический устав с изменениями, какие были введены Балто-лиманской конвенцией, должен остаться в силе, и князья Гика и Стирбей, которые не переставали до сих пор заявлять о своей преданности и добрых намерениях; должны быть удержаны на своих постах со всеми атрибутами власти, какая была им доверена при их избрании в 1849 г., по крайней мере до тех пор, пока они не дадут явных доказательств измены». Следует заверить, говорилось далее в инструкции, что будущее княжеств и их господарей в их собственных руках. Армия княжеств остаётся под командой господарей и выполняет свои обычные функции. Никаких повинностей не следует налагать на население, исключая военного постоя. В конце инструкция сообщала секретные сведения о революционных настроениях в княжествах. «Они имеются главным образом среди молодых бояр, воспитанных во Франции и Англии, что даёт зародыши вредному настроению (le mauvais esprit), поддерживаемому к тому же подстрекательствами некоторых иностранных консулов и, в частности, покровительством оттоманского правительства, в своём ослеплении доверяющего этим личностям, которые в его глазах заслуживают это, так как выказывают себя врагами России и нашего протектората». Так как господа не раз заявляли о революционных настроениях в княжествах, то при наличии новых сообщений о проявлении революционных настроений Горчаков должен был войти в сношения с князьями и при действительном наличии преступления наказать по всей строгости закона. Независимо же от этого — учредить за кем следует строгий полицейский надзор⁴.

В румынской исторической литературе отмечается наличие этих, нежелательных с точки зрения русского министерства иностранных дел, элементов, при этом утверждается, что иные из них не только намеревались

¹ АВП. К., 19, Constantinople, 1853 г., л. 109.

² «Journal de Constantinople», 4 mai 1853, № 443.

³ Зайончковский А. Указ. соч. Приложения. Т. II, стр. 45.

⁴ АВП. К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 201—207.

сражаться в рядах войск морских держав, но бежали даже в турецкий лагерь¹. Однако Горчаков в одной из своих депеш отмечает незначительность и политическое бессилие этих элементов². Больше того: с молдаво-валахскими властями и чиновниками установились столь дружественные отношения, что Горчаков ходатайствовал о наградах особенно полезным лицам. Так же довольны были русские власти и поведением господарей.

В секретной инструкции от 10 (22) июля консулу в Бухаресте Халчинскому было сказано: «До сих пор мы имеем основания быть довольными господарями и их готовностью делать распоряжения для снабжения нашей армии, какие мы просим»³. Министерство рекомендовало сохранить такие дружеские отношения и дальше, достигая этого путём предоставления им свободы внутреннего управления, суда — всего, что составляет их прерогативу, согласно действующему законодательству. Однако уже и в это время министерство иностранных дел понимало, что этим добрым отношениям может настать конец, и учитывало формальную зависимость господарей от Порты.

Определяющими моментами здесь были, с одной стороны, неизбежное вмешательство русских властей в действия местной администрации, с другой — и это главное, — изменение их положения в связи с началом русско-турецкой войны. Это вмешательство оправдывалось русскими военными деятелями. Вот что говорит о нём в своих записках дежурный генерал при Горчакове Н. И. Ушаков: «Вмешательство это было неизбежно и основывалось на том, что господа, управляя вверенными им областями под турецким владычеством, умели всегда приобретать неограниченную власть над народом, ко вреду сего последнего, и вничали делами по своему произволу... Поэтому, с одной стороны, опека наша не могла им нравиться, а с другой — все военные требования наши встречали большею частью не только разные замедления, но иногда даже и скрытные противодействия, если исполнение не согласовывалось с личными выгодами господарей и степенью их прежней власти»

Но главное было не в этом. Посредничество держав, вырабатывавших на конференциях в Вене компромиссные предложения, было Россией отклонено. Турецкий ультиматум от 27 сентября 1853 г. об очищении княжеств не произвёл ожидаемого действия. 21 октября Николай опубликовал манифест о войне. Вполне естественно, что и положение в княжествах должно было радикально измениться. Действительно, после объявления войны господа заявили о своём желании отказаться от своих постов и удалиться в частную жизнь⁴. Правда, валахский князь Стирбей имел намерение сохранить свой пост, независимо от отставки, какую ему дали бы из Константинополя, но этому воспротивилась Россия, не желавшая утвердить «сохранение им поста и признание его авторитета его подчинёнными»⁵. «Кн. Стирбей и кн. Гика выехали в Вену без всяких неприязненных к нам отношений, по крайней мере наружных»⁶. Эта оговорка чрезвычайно существенна. Уже находясь в Вене, Стирбей и Гика совместно с эксгосподарями Бибеско и Стурдзой предлагали Австрии после поражения России принять княжества под своё покровительство. Это предложение вызвало интерес, и для проверки расположения бояр к такой

¹ Jorga N. «Geschichte der Rumänen und ihre Kultur», S. 313. Hermanstadt Sibin. 1929. Тот же автор говорит, что благодаря австрийским интригам они не имели возможности участвовать в войне. Но эта фраза имеет в виду иной, более поздний момент.

² См. депешу от 14 (26) декабря 1853 г. АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 98.

³ АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 213.

⁴ Ушаков Н. «Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав (1853—1855)». Сборник «Деятельный век», стр. 043. Изд. П. Бартенева. М. 1872.

⁵ Делеша Нессельроде Бруннову 29 октября 1853 года. АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 238—240.

⁶ «Mémoire pour servir d'instruction au commissaire général des les Principautés», АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 222—231.

⁷ Записки Н. Ушакова, стр. 043.

комбинации в Бухарест был командирован майор Тома. Никаких реальных последствий поездка не принесла, но самый факт тем не менее небезынтересен¹. Да и в самих княжествах уже осенью 1853 г. стал проявляться «дурной дух», с которым Николай рекомендовал бороться «строгими примерами»².

Возглавлять молдаво-валахскую администрацию в должности генерального комиссара был назначен генерал-адъютант Будберг. При нём был создан правительственный совет, произведены были известные перемены в личном составе управления, чины которого назначались комиссаром. Ему же были подчинены русские консулы. Перестроенная молдаво-валахская администрация должна была служить целям войны.

С момента вступления в княжества внимание России было привлечено расположенными на другом берегу Дуная болгарскими землями. Чтобы были ясны надежды, возлагавшиеся на возможность восстания в Болгарии, следует иметь в виду обстановку, которая там сложилась к рассматриваемому моменту. Турецкий гнёт в Болгарии не мог остановить развития страны. Среди выраставшей болгарской буржуазии и ремесленных цехов — еснафов — находили живой отклик события в других балканских странах — сербское восстание, борьба греков за независимость. Возникали различные попытки то мирной взаимопомощи (такие цели ставило себе сливенское «братство», организованное Селиминским в 1825 г., члены которого «показали исключительный успех в торговом отношении и в общественной деятельности») ³, то повстанческой борьбы. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. известна не встретившая поддержки русских военных властей попытка поднять восстание, предпринятая Георгием Мамарчевым, командиром болгарской добровольной дружины. В 1835 г., в ответ на погромы делибашей, начал подготовку восстания тырновский торговец Велчо Атанасов. Но восстание было ликвидировано в самом зародыше из-за предательства чорбаджия ⁴ Юрдана из Елены и грека, митрополита Иллариона. В 1841 г. произошло восстание, захватившее сербские и болгарские районы близ Ниша, Пирота, Лесковца. Это восстание привлекло внимание держав, и один из обследователей — французский учёный Бланки, объехавший разгромленные турками районы восстания, — оставил много интересных сведений в написанной в результате этой поездки книге «*Voyage en Bulgarie pendant l'année 1841*». И, наконец, совсем уже перед восточным кризисом разразилось в 1850 г. восстание в Видине. Причинами его были всё те же притеснения турок, непосильные налоги, вымогательские способы их собирания. Плохо организованные части повстанцев, не имевших достаточного количества оружия, были разгромлены турками. Террор, царствовавший в Болгарии после подавления этой попытки повстанческой борьбы, не ослаблял недовольства населения и его стремления избавиться от чуждого гнёта. Вот что писал русский консул в Белграде послу в Константинополе в январе 1852 г.: «Ежедневно группами болгары приходят к сербской границе. Но князь Карагеоргиевич из угодничества к султану отказывается их принимать, и они возвращаются обратно. Очевидно, эти люди, не имея возможности выносить свои бедствия далее, будут вынуждены в некий день прибегнуть к чему-то отчаянному» ⁵.

¹ Палаузов С. «Румынские государства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении», стр. 255. СПб. 1859.

² Зайончковский А. Указ. соч. Приложения. Т. II, стр. 143.

³ «Библиотека д-р Ив. Селиминский». Кн. I, стр. 13. Изд. Мин. нар. проsv. София. 1904.

⁴ Чорбаджи — торговцы, откупщики.

⁵ Тодоров-Хиндалов В. «Народни движения и възстания от предосвободителната епоха според новооткрити турски офид. документи», стр. 70. София, 1929.

Вся эта предшествующая история болгарских восстаний, в связи с чисто военными интересами России, заставляла внимательно прислушиваться ко всему, что происходило по ту сторону Дуная.

Возможность активного сочувствия русским планам и помощи их действиям учитывали не только на левом берегу реки, — её хорошо сознавали в английском посольстве в Константинополе. «Английский вице-консул в Варне г. Neel возвратился из Тырнова, — писал 9 (21) июля 1853 г. Горчаков Нессельроде, — где он провёл три недели. В течение этого времени он старался возбудить умы жителей против России. Он старался уверить христиан, что для разрешения (conclusion) современных дел на Востоке при помощи вмешательства Англии оттоманское правительство предоставит им привилегии. Он призывал к подаче прошения Порте, чтобы выразить их признательность султану за благожелательную заботливость об их благе, прошения, которое г. Neel предлагал им составить. Но его настояния (insinuations) не имели никакого успеха»¹. В другом документе мы читаем: «Английский консул в Тырнове при проезде через Руджук призывал к себе учителей христианских школ, приказывал им внушать народу особенную преданность Англии, на что они отозвались, что народ, издревле признательный к благодеяниям России, не может изменить постоянной привязанности своей к ней тем более, что от Англии он никогда не видел никакой для себя пользы»². Такая антирусская пропаганда велась англичанами и в других городах, в частности в Систове³.

В сентябре 1853 г., накануне начала войны, в руководящих военных кругах России вновь усиливаются разговоры о необходимости использования подвластных Турции народов для борьбы против неё. Паскевич в записке от 11 сентября предлагал использовать войска княжеств в качестве основы для формирования ополчений из среды христианских народов Турции. «Чем сильнее возбуждён будет фанатизм мусульман, тем легче побудить и христиан к вооружению, хотя бы для собственного их сохранения», — рассуждал фельдмаршал. «Выбрав затем из них болгар, сербов и греков, составить из них отдельные роты или команды и распустить за Дунаем прокламации, приглашая всех христиан, в их неверном, при ожесточении турок, положении и при опасности, угрожающей христианству, присоединиться к составившимся уже ополчениям болгар или сербов или греков; объявив притом, что каждому явившемуся воину дано будет оружие, порох, провиант и деньги, платимые помесечно».

Вера «отца-командира» в выгоды кунктаторской тактики и «оборонительного положения» была так велика, что за три дня до турецкого ультиматума об очищении княжеств, 24 сентября, он писал Николаю: «Никто ныне в Европе войны не хочет, а наше положение делается между тем день ото дня лучше». И дальше: «Даже Англия, вероятно, скоро должна стараться о мире». Зачем сражаться с турками, терять людей, чтобы всё же не получить выгод, так как Европа не даст воспользоваться плодами завоеваний? Ведь у России «есть... более страшное для Турецкой империи оружие, успеху которого ни одно государство в Европе воспрепятствовать не может: это влияние наше на христианские племена в Турции». «Веру сию, — продолжал он убеждать подавителя революций и противника восстаний угнетённых против «законных государей», — нельзя, мне кажется, смешивать со средствами революционными. Мы не возмущаем подданных против своего государя; но если христиане, подданные султана, захотят свергнуть с себя иго мусульман, когда мы с ними в войне, то нельзя без несправедливости отказать им в помощи; ибо христианин в Турции не есть только подданный султана; он, по закону, безответная жертва фанатизма или прихоти каждого визиря, паши и даже какого-ни-

¹ АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 8.

² Там же, л. 157—158.

³ См. там же, л. 142.

будь аяна, т. е. городничего»¹. Однако шагов к исполнению советов Паскевича не принималось.

В сентябре 1853 г. в Браилов прибыла депутация «запорожцев-некрасовцев». Она была направлена в Бухарест к Горчакову. Инициатива посылки этих представителей, по сведениям Горчакова, шла от некоего Радовича, авантюриста, жившего шпионской работой на два фронта — и для русских и для турок. Депутация привезла прошение, где жаловалась на попытку турок призвать их на военную службу, от чего они отказались, и просили разрешения «жертвовать всем и кровь свою проливать за Его Императорское Величество и за веру христианскую». Горчаков, приняв их, заявил, что войны с Турцией нет, а если начнётся, — пусть покажут себя на деле, и в дальнейшие переговоры не входил. Тактика Горчакова нашла полное одобрение Николая, написавшего на тексте депеши: «Прекрасно выполнено» (*parfaitement agé*). Позже выяснилось, что делегация была действительно шпионской, а один из участников её — Герасимов — оказался дезертиром Иваном Ивановым².

Но наряду с такими посетителями были и действительные представители народа. Мы видели, что в Видинском пашалыке после подавления восстания 1850 г. скрытое волнение продолжалось. Оно обострилось под влиянием слухов о черногорском движении и сведений о напряжённости русско-турецких отношений. Ещё на 28 мая (9 июня) 1853 г., как сообщал консул в Бухаресте Халчинский, намечалось начало нового восстания, но оно было отложено под давлением Сербии, сообщившей, что с её стороны не только не будет помощи, но что она откажет в приюте участникам восстания в случае его неудачи. Тогда были начаты переговоры с Валахией. Но и здесь был получен такой же ответ. Князь Стирбей заявил, что, по существующим правилам, доступ на валахскую территорию разрешается лишь при наличии турецкого паспорта³. Всё это вынуждало вопрос о восстании снять. Решили действовать иначе. 23 сентября Горчаков сообщил о прибытии трёх болгар — Живка Георгиевича, попа Панту Ивановича и Петра Стояновича — с полномочиями от 37 приходов просить помощи войсками. Они пришли, преодолевая различные препятствия, чинившиеся не только турками, в это время уже запретившими выдачу болгарам паспортов в Сербию и Болгарию⁴, но и валахскими властями. Депутаты эти явились из Видинского района, бывшего аренной восстания и последовавшего затем погрома. В показаниях, какие они дали о состоянии страны, мы находим длинный перечень всевозможных насилий, чинившихся турками над болгарским населением. «В Видинской епархии, — показали депутаты, — в село Вартоп приехал один из земских полицейских чиновников, кои назначены преследовать и ловить разбойников, и расположился квартировать у местного жителя. А как сему последнему нужно было ехать, то он и просил его перейти на другую квартиру, а за это и более за то, что он спрятал молодую жену свою, чиновник рассердился и убил его». «В Берковиче турки убили одного богатого человека по имени Никола, а несколько времени спустя отравили сына его кофеем и зарезали жену сего последнего».

Кроме значительного количества фактов подобного рода прибывшие сообщили о той широкой антирусской агитации, которая велась католическими и англиканскими миссионерами. Они «уверяют народ, чтобы он не ожидал никакой помощи от России, а с другой подстрекают турок против болгар с тою целью, чтобы народ искал защиты и покровительства их». Вызывали горькие жалобы и общие условия жизни райи⁵. Помимо сбора

¹ Записки Паскевича опубликованы дважды: «Русская старина» за август 1876 г.; Зайончковский. Указ. соч. Приложения, Т. II.

² АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 22, 96.

³ Там же, л. 113—114.

⁴ АВП, К., Vienne, 1853 г., д. № 147, л. 29.

⁵ Презрительное обозначение христианского населения Турции.

прежних, тяжёлых налогов, в связи с подготовкой войны, турками была введена трудовая повинность¹.

Это было началом той системы салахорства, которая развилась позже и потом повела к огромному развитию чумы. Молодых людей в возрасте 20—30 лет (их-то и называли салахорами), связанных по 10—12 человек, угоняли в Варну, Шумен (Шумла) и другие крепости, где они под начальством английских и польских инженеров должны были рыть окопы и строить укрепления². Все эти тяжёлые условия и царивший в болгарских областях турецкий террор не остановили болгар от попытки связаться с русскими. Но помощи они не получили. Горчаков заявил, что войны с Турцией ещё нет, а потому оказать помощь он не может³.

Через короткий срок пришло новое прошение. Оно исходило от группы болгар, выселившихся после войны 1828—1829 гг. из Турции, постоянно живших в г. Браилове и в значительной части состоявшей из торговцев. В числе 41 подписавшего прошение мы встречаем уже известного нам Селиминского, Е. Георгиева и целый ряд других лиц. Наличие в составе подписавшихся значительного количества выходцев из Сливна наводит на мысль о связи этой группы с тем братством, которое там создал в своё время Селиминский. Таковую мысль подкрепляет характеристика, данная указанной группе Горчаковым: «Они основали нечто вроде массонской ложи, которая занимается проектами будущего Болгарии, не придерживаясь мыслей о восстании против Турции»⁴. Участие Георгиева в подаче заявлений устанавливает связь данной группы с эпитропией, т. е. с тем болгарским комитетом, какой был создан бухарестскими болгарскими купцами и главной задачей которого была посылка молодых болгар в Россию для прохождения образования.

В этом прошении, помеченном 17 августа 1853 г., болгары жаловались, что султанские обещания предоставить права нетурецкому населению вместо какой-либо пользы приводят к усилению своеволия турок. Как пример такого своеволия указывается безнаказанное убийство в 1852 г. в Татар-Пазарджикском округе (казе) 106 болгар. Далее прошение подробно излагает вред налогового переобременения и, в частности, скованность торговли не только внешними, но и внутренними пошлинами. Тяжесть налогов усиливается откупной системой их собирания: откупщики имеют полную возможность притеснять народ.

Прошение останавливается на тяжести трудовой повинности, введённой на время войны, что мы отмечали выше, и жалуется на невозможность развития школьного дела, отмечая желательность общественных сборов для устройства школ, создания типографий, хотя бы под контролем турецких властей. Просители высказывают неудовольствие и положением церковных дел в Болгарии, отмечая уничтожение болгарской патриархии и передачу церковного управления и руководящих духовных постов в руки греков. Обращаясь к Николаю I, прошение так формулирует свои пожелания: желательно, «подобно единоверным братьям нашим сербам и молдо-валахам, если не в полной мере, то хоть частично, чтобы мы имели своё народное управление. Мы не стремимся отделиться от султана, не будем ему противиться, а так как мы видим, что его добрые распоряжения не осуществляются (не хващать място) за отсутствием тех, кто бы приводил их в действие, мы хотим под его надзором иметь представителей от народа, которые бы радели о нас и заботились о наших нуждах»⁵.

Прошение произвело впечатление на Николая I. «C'est affreux à lire» («Это ужасно читать»), — писал он и велел опубликовать о получении этого прошения.

¹ АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 38—43.

² Станев Н. «България под иго», стр. 304. София, 1928.

³ АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 37.

⁴ Там же, л. 39.

⁵ Там же, л. 67—71.

Первый выстрел на Дунае раздался 3 октября 1853 года. Затем турки начали переправу у Калафата. 23 октября произошёл неудачный бой у Ольтеницы, произведший самое тяжёлое впечатление в русской армии. «Ужасный день», — отметил в своём дневнике генерал Кошебу. Стало ясно, что Турция не рассыпалась от присутствия русских войск в княжествах, но что действия турок часто были гораздо удачнее робкой стратегии растерявшегося Горчакова. О войне следовало уже думать серьёзно. Но так как над всеми планами войны довели советы Паскевича и трёхэтапный план Николая, вполне понятно новое оживление интереса к инсurreкционным проблемам, какое появляется в конце 1853 г., а с другой стороны к вопросу о возможности формирования боевых сил из балканских народов.

Ещё в самом конце сентября Горчаков касался вопроса о восстаниях подвластных Турции народов. «Замечательно, — говорит Зайончковский, — что император Николай, читавший письмо князя Горчакова некоторое время спустя после приведённых выше записок князя Варшавского, сделал на нём пометки, которые уже не отвергали предлагаемых средств»¹.

22 октября 1853 г. Николай писал Паскевичу: «Ежели до весны турки не образуются, тогда время будет перейти Дунай и приступить к объявлению независимости княжеств Сербии и Булгарии», — а в начале ноября, говоря о плане войны оборонительной в Европе и наступательной в Азии, он предвидел, что перемены в «упорстве турок» может не произойти, и тогда, весной 1854 г., предстоит переправа через Дунай. После переправы войска приступят к осаде Видина. «Расположение сербов к нам даёт мне надежду, что наше появление в сем крае их побудит приняться за оружие и стать рядом с нами, чем можно действия наши облегчить... Вероятно за сербами поднимутся болгары и тем положение турок ещё более затруднится». В августе должен быть взят Видин, к этому же времени турки потеряют Карс, Ардаган и Баязет — это будет началом нового периода войны. «Полагаю, что ему предшествовать должно воззвание к единоплеменным и единоверным народам к восстанию объявлением, что мы идём вперёд для избавления их от турецкого ига. Вероятно сие последует чрез год, т. е. в ноябре 1854 года, в ту эпоху года, где уже военным действиям в тех краях природа препятствует. Разрешённое формирование волонтёрных рот будет тогда служить основанием или корнем новых ополчений в Сербии и Булгарии, на что употребится зима».

Итак, 1854 год назначался для организации в разных формах участия балканских народов в войне. «Начало 1855 года укажет нам, какую надежду возлагать можем на собственные способы христианского населения Турции, и останутся ли и тогда Англия и Франция нам враждебны. Мы не иначе должны двинуться вперёд, как ежели народное восстание за независимость примет самый обширный и общий размер; без сего общего содействия нам не следует трогаться вперёд; борьба должна быть между христианами и турками; мы же как бы оставаться в разрезе»².

Наконец 21 ноября (3 декабря) Николай так говорил о ближайшей практической задаче: «Важно нам знать покуда, в какой степени считать можем на содействие задунайских христиан; признаюсь, не велика мне надежда на них, разве на сербов, и до этого удостоверения не очень расположен идти далеко за Дунай»³. На очередь был поставлен вопрос об этом «удостоверении».

¹ Зайончковский А. Указ. соч. Т. II. Ч. 1-я, стр. 159. Зайончковский имеет в виду вышеизложенные записки Паскевича.

² Там же. Приложения. Т. II, стр. 276. Подчёркнуто в подлиннике.

³ Там же, стр. 281.

Для выяснения положения о возможных перспективах инсurreкции на правобережье Дуная Нессельроде запросил Горчакова, интересуясь, в частности, возможностями поддержки такого восстания. 4 (16) ноября 1853 г. тот сообщил, что при оборонительном положении наших войск, без перехода на правый берег Дуная, «невозможно оказать какую-либо помощь нашим единоверцам», а они «возможно не поднимут восстания, исключая, быть может, население Эпира и Фессалии, но там не может быть ничего серьёзного»¹. Тем не менее было признано целесообразным перевести советника посольства Фонтана из Вены в Бухарест. Его задача была добывать сведения, так как при посредстве специальных агентов, посланных на места, они могли быть собираемы с большими трудностями. «Командировка полковника Ковалевского в Черногорию, статского советника Базили в Грецию, — писал Горчаков, — нас снабдят другими данными. Следует надеяться, что объединённые со сведениями и подробностями, каких мы ждём с вашей стороны, мы установим размер и значимость содействия, на как же мы можем рассчитывать со стороны христианских народов, полагающих теперь — и не без основания, — что их судьба и будущее зависят от успехов нашего оружия против общего врага»².

Нессельроде, очевидно, не удовлетворённый скептическими рассуждениями Горчакова, направил ему депешу, разъяснявшую мотивы перемещения Фонтана. Говоря о стараниях представителей западных держав добиться политических прав для немусульманского населения Турции вместо религиозных привилегий, о каких заботится Россия, депеша говорит: «Мы будем очень серьёзно относиться к достигающим до нас пожеланиям, строго различая их отношения к турецкому правительству от возможных революционных попыток других стран. Однако мы не хотим ещё ничего ускорять, ни ободрять совместное с нашими военными действиями вооружённое восстание, прежде чем мы не соберём новости и наиболее положительную информацию о действительном положении дел и (расположении) умов в различных провинциях Румелии, и до тех пор, пока наступление весны не сделает наши движения более свободными и более решительными на обоих берегах Дуная»³. Депеша заканчивалась просьбой к Горчакову сообщить своё мнение о всех этих вопросах.

★

Как понятен указанный выше интерес к многократно восставшей Болгарии, так понятны и надежды, которые возлагались на Черногорию, куда в последних числах ноября 1853 г. был вновь командирован Е. П. Ковалевский. Официальной целью его поездки были раздача денежных помощи пострадавшим от неурожая жителям нахий (округов) Белопавлицкой и Пеншивацкой и передача церквям Черногории предметов культа. Подлинная же цель этой поездки вскрывается инструкцией, которая была вручена Ковалевскому. В ней говорилось, что из разных мест — из Болгарии, Румелии — идут сведения об ужасах, творимых турками над христианским населением; население на той грани отчаяния, когда в любой момент оно может принять крайнее решение; вне зависимости от возможностей мирных переговоров с Турцией следует готовиться к новой кампании, к наступлению; естественно ожидать, что угнетённые народы Балкан не останутся равнодушны к этому. «Было бы поспешно сейчас предсказывать конечные последствия движения, которое будет производиться только силой, без всякого подстрекательства с нашей стороны», но так как Россия, продолжала инструкция, имеет в виду не предавать их мщению фанатизма при заключении мира, то сочтено «полезным отныне собирать обстоятельные сведения о положении дел у народов, о которых идёт речь,

¹ АВП. К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 76.

² Там же, л. 244—245.

³ Там же, д. № 176, л. 98—99.

о средствах действия, какими они могут располагать в различных местностях, о планах, какие у них могли сложиться, и о надеждах относительно их будущего политического существования». Во всех этих областях должны быть люди, знающие местность, вожди движения, потребность в денежной помощи и т. д. «В этом общем плане необходимо должна найти своё место и Черногория, хотя, пользуясь фактически свободой, защищаемой с такою храбростью, эта страна находится в положении, отличном от других областей, населённых христианами, подчинёнными османскому господству. Но так как эта независимость никогда до сих пор не была признана Портой, позиция Черногории не менее непрочно и подчинена опасностям того рода, какие снова начинаются и какие без вмешательства России и Австрии имели бы фатальные последствия для её существования». Поэтому инструкция делала вывод, что Черногория может освободиться от вечной турецкой угрозы и занять известное место в политической системе Европы лишь при наличии успехов в антитурецкой борьбе. Но вся военно-политическая обстановка и недостаточность военных сил России в княжествах диктовали на ближайшее время тактику выжидания и изучения. «При этом положении дел не может быть ничего более противоречащего их интересам, как легкомысленные и плохо согласованные попытки восстания, которые не дадут ничего кроме усиления жестокости османских властей, навлекут на восставших бедствия жестоких репрессий, сопровождаемые принятием мер надзора и строгости. А эти последние поставят под угрозу успех, какой может иметь освободительный план в удобный момент, — когда христианские армии найдут опору в русских войсках, перешедших Дунай»¹. Давая такие поручения, правительство делало Ковалевского эмиссаром не только в Черногории, но и в примыкающих областях — в Боснии и Герцеговине. Восстание готовить, но не начинать — такова была задача.

Надо сказать, что среди русских дипломатов в самом начале осуществления этого плана раздавались скептические голоса. Едва ли не самым влиятельным среди них был голос посла в Австрии — Мейендорфа. В осторожных, но в то же время ясных выражениях он говорил о невозможности снабжения повстанцев оружием, о тех затруднениях, какие создадутся здесь австрийским противодействием: «Мы ничего не сделали не только для того, чтобы обеспечить себе возможное содействие этих воинственных народов (races), но мы даже оставили их в состоянии военной неготовности (dépensement), которая препятствует им сопротивляться турецкому гнету (Oppression). Эпирские греки, Черногория и Сербия одновременно просят у нас оружия, которое мы совершенно не можем отправить по назначению без ведома Австрии и без её согласия. Князь Горчаков писал мне, чтобы узнать возможно ли нам купить в Австрии конгревовы ракеты. Я ответил отрицательно, убедившись в этом при конфиденциальной встрече с генералом Гесс, о которой я очень старался. Австрия не хочет подвергаться упрекам в нарушении своего нейтралитета». Однако указания на обречённость попыток организации восстания не остановили их.

В конце 1853 г. Ковалевский начал свою деятельность. В декабре он побывал в Черногории, Герцеговине, совещался с князем Данилой, герцеговинскими и боснийскими вождями. В результате этих поездок и совещаний 12 (24) января 1854 г. Ковалевский отправил подробное донесение Нессельроде; оно было прочтено Николаем, а копии с него отосланы военному министру Долгорукову, Горчакову и Паскевичу. В этом донесении Ковалевский подробно описывал состояние Боснии — её разорение, при-

¹ АВП. Азиатский департ., I отделение, политический стол, оп. 45, д. № 2. 1853 г. «О командировке Ковалевского Е. П. в Черногорию», л. 3—10. (Дальше указываем номер дела, год и лист).

² Meyendorff P. «Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien». Bd. III, S. 101, 29 November — 11 Dezember 1853.

теснения турок, несколько лучшее состояние Герцеговины, сохранившей известные запасы оружия и имеющей преданных России и пользующихся уважением народа сердарей. Однако этого оружия было мало, да и значительное количество магометан и католиков среди населения Герцеговины не давало оснований рассчитывать на самостоятельную активность обеих этих областей. Поэтому Ковалевский считал, что первой задачей при начале восстания должна быть изоляция Боснии и Герцеговины от Турции при помощи движения сербов и черногорцев на Лим. Одновременность такого движения сможет увеличить ряды повстанцев почти на 7 тыс. человек. Но сама Черногория не сможет выставить для борьбы вне собственных границ больше 5—6 тыс. человек, так как соседняя Албания весьма враждебно настроена по отношению к черногорцам. Для возможной борьбы на этом фронте останется около 10 тыс. чел. Эти небольшие силы смогут начать восстание, если Босния и Герцеговина будут отрезаны от Турции, но наличие в городах Ниш и Лесковац турецких войск (12—15 тыс.), которые обрушатся на повстанцев, делает возможность инсurreкции тогда, когда русские перейдут Дунай у Видина и русский отряд численностью тысяч в 8 будет направлен к Нишу. Это необходимо тем более, что не исключена возможность англо-французского десанта в Скадре (Скутари).

Изложив этот проблематичный план действий¹, Ковалевский специально останавливается на подготовленности к участию в нём Черногории и сопредельных областей. Приведённые выше сведения Мейендорфа оказываются верными. Хотя Черногория лучше была снабжена оружием, чем Босния и Герцеговина, но и тут оказалась масса дефектов. Пороховой завод, устроенный Ковалевским в 1838 г., давал плохой порох; обращаться с несколькими наличными орудиями никто не умел. Хотя Ковалевский и оптимистически оценивал возможность участия черногорцев в восстании, но и он считал необходимым довооружение их. А те попытки, какие делались, например попытка триестинского купца Квекича купить 3 тыс. ружей в Корфу, вызывали сомнение в успехе. Проекты же самого Ковалевского доставлять оружие из Суторины или Сербии были, конечно, фантастическими. Мы ниже остановимся на позиции Сербии в этом вопросе, но и сам Ковалевский видел, что «сербское правительство решительно отдалается от дела славян». Наряду с указанными мерами Ковалевский считал необходимой присылку в Черногорию русских офицеров для налаживания порохового завода и инструктажа черногорцев, а также возвращение на родину тех двух черногорцев, которые обучались в России артиллерийскому делу².

Донесение Ковалевского было одобрено Николаем. Стремление к организации общего восстания, о чём хлопотал Ковалевский, и было целью русского правительства. Последнее учло и пожелания своего эмиссара. Правительство пришло к выводу, что пора переходить от слов к делу, и перевело Ковалевскому на покупку оружия 60 тыс. руб. (серебром), не считая денег, непосредственно выданных князю. Было также обещано прислать двух офицеров — инженера и артиллериста, — а также и обоих черногорцев-артиллеристов. Однако сомнения в возможности осуществления изложенного выше плана действий, где на долю Сербии выпадала определённая роль, были и у Нессельроде. «Последние наши известия из Белграда, — писал он Ковалевскому, — ещё не вселяют в нас пылкой веры в намерения князя Карагеоргиевича соединить дело Сербии с общим делом прочих славянских племён Румелии»³.

¹ Фантастичность этого плана видна из сообщения адъютанта правителя Черногории Вуковича о наличии в Черногории лишь 5 тыс. ружей. Хотя, по его словам, страна всегда готова к выступлению, но бесплодность и обречённость борьбы при отсутствии вооружения ясны (АВП, К., Vienne, 1853 г., д. № 147, л. 323).

² АВП, л. № 2, 1853 г., л. 16—21.

³ Там же, л. 36.

Сомнения эти были вполне основательны. Отсутствие поддержки со стороны соседних балканских народов, позиция Австрии, непрерывно угрожавшей репрессиями в случае вспышки восстания, постоянное приглушение самим же Ковалевским создаваемого возбуждения — всё это приводило к отдельным попыткам, которые тут же кончались. В апреле (24 апреля — 6 мая) 1854 г. Ковалевский писал директору Азиатского департамента Н. И. Любимову и жаловался на невыносимость своего положения: «По своему обыкновению я отдал бы им себя безусловно и всего делу; но какая возможность действовать? Вы дайте инструкции начинать. Из Вены я получил, чтобы не двигаться с места под ответственностью. Конечно, и вы, и в Вене совершенно правы, но за что же я отвечаю? Спрашиваю я тысячу раз, — ответа нет... нельзя же бросать человека между двух огней. А тут ещё обещают австрийцы окружить нас, ничего не пропускать и выморить голодной смертью. Как видите, придумано очень хитро, а главное человеколюбиво»¹. Бесплезному метанию Ковалевского был положен конец летом 1854 г., когда отношения с Австрией стали ещё более острыми и закончились предъявлением 4 (16) июля требования о выводе русских войск из княжеств. Тогда же Ковалевский был отозван.

Переходя к рассмотрению позиции Сербии, следует вернуться несколько назад. Отношения России и Сербии не были дружелюбны. Ещё в апреле 1853 г. Нессельроде писал Меншикову в Константинополь о жалобах Порте сербского князя Александра на русское давление. Эту «отвратительную неблагодарность» канцлер объясняет вредным влиянием руководителя иностранной политики Сербии Гарашанина, связи которого с Парижем он совершенно справедливо отмечал²:

Для устранения этого влияния Меншиков должен был потребовать устранения «интриганов». Под давлением Меншикова в Константинополе, а русского генерального консула Туманского в Белграде Гарашанин ушёл в отставку. Но желательного Николаю I результата не получилось. Внешнее давление сплотило князя с его министрами. Споры по внутренним вопросам отступали на задний план. Место трений заняло «опиште помиреније». В доме князя был собран совет, на котором действия русских агентов рассматривались как вмешательство в дела Сербии, а князь давал обязательства защищать права страны. Россия заняла выжидательную позицию. «Laissez faire. — писал Николай, — et nous verrons jusqu'au la folie les aller»³ («Предоставьте им действовать и посмотрим, до какого безумия они дойдут»).

Иного решения пока не могло быть; влияние Гарашанина не было умалено лишением официального поста: начальником дипломатической канцелярии оставался помощник Гарашанина — Маринович. Ставить открыто вопрос о высылке Гарашанина из Сербии было невозможно, но давать под сурдинку такие советы русские агенты имели возможность. И именно так поступил советник русского посольства в Вене Фонтон⁴ в разговоре с приехавшим в Вену сербским сенатором Янковичем.

Но влияние Гарашанина в Сербии сказывалось даже в периоды его отсутствия. 1853 год он провёл за границей, но не переставал писать на родину, постоянно касаясь в своих письмах вопросов внешней политики вообще и отношений с Россией в частности. Гарашанин был одним из ярких представителей великосербского национализма и ещё в 1844 г. набро-

¹ «Письма Е. П. Ковалевского Н. И. Любимову». «Русская старина» за март 1902 года.

² АВП. К., Belgrade, 1853 г., д. № 184, л. 86—88; Јовановић С. «Уставобранители и Нихова влада», стр. 160. Белград. 1912.

³ АВП. К., Belgrade. 1853 г., д. № 184, л. 312—315, 317—318.

⁴ Там же, л. 356—360.

сал широкую программу сербской политики. Эта программа преследовала цели объединения вокруг Сербии всех сербских земель и готова была принять для этого помощь России, но с тем, чтобы последняя вполне приняла сербские цели и условия¹. Те же мысли руководили им и в советах сербским государственным деятелям в рассматриваемое время.

Неудачные попытки русской дипломатии воздействовать на Сербию привлекли внимание Австрии. Бывший австрийский консул в Белграде Мейергофер был послан для ознакомления с положением дел в Сербию и Боснию. Он поделился с русским представителем в Белграде соображениями об общности и совпадении русских и австрийских интересов в Сербии. Через некоторое время он писал в Вену о желательности примирения Сербии и России и возможности австрийского посредничества. Как указывал ещё Н. А. Попов², оно имело место, но в свете наших материалов оно рисуется по-новому. Уже 22 мая (3 июня) Фонтон спрашивал Франца-Иосифа о возможности австрийского вмешательства а *main armée* (вооружённой силой). Его собеседник ответил, что Австрия «не потерпит на своих границах взрыва волнений, которые приведут к анархии и, может быть, к созданию демократии», и что в случае нужды собрать нужные силы будет нетрудно³. В то же самое время Мейергофер в своих донесениях из Белграда настраивал австрийское правительство как против представителя франкофильской партии в правительстве Мариновича, так и руссофила Вучича. Отсутствие же в Сербии сколько-нибудь влиятельной группировки, ориентирующейся на Австрию, заставляло бояться наличных партий сильнее, чем они того заслуживали.

1 (13) июля 1853 г. Фонтон сообщал о решении Австрии выставить наблюдательный корпус на сербской границе численностью в 25 тыс. чел. с главной квартирой в Петроварадине. Через 11 дней об этом была поставлена в известность и Сербия, которой сообщили, что цель наблюдательного корпуса — предупреждение волнений, а что призвать корпус к действию могут как сербский князь, так и турецкий паша. Того же обстоятельства, что инструкция командиру корпуса предусматривала переход границы и без зова — при признаках волнений, — сербскому правительству не сообщили. Последнее принимало свои меры. Сербия не хотела быть орудием ни русской, ни австрийской политики. Вопрос для неё заключался в том, чтобы не быть раздавленной борющимися державами и обеспечить своё государственное существование. Неудивительно, что Сербия решила принять некоторые меры на случай необходимой обороны от Австрии. Сербия отправила Австрии ноту, где благодарила за заботливость, но отмечала, что ни отношения с Россией, ни другие какие-либо обстоятельства не позволяют ожидать волнений. Сербия просила дать указания войскам, чтобы переход границы имел место лишь по призыву сербского правительства.

Помимо дипломатических шагов были предприняты и меры военной подготовки. Ещё в начале мая был вызван из Швейцарии военный инструктор Орелли для реорганизации войска⁴. После же австрийского сообщения сербское правительство начало готовиться к вооружённому отпору. Для крошечной Сербии её мероприятия были грандиозны. Военный бюджет страны возрос в 1853 г. почти на 80%: со 105,4 до 185,3 тыс. талеров⁵. Но на наблюдателя-европейца это всё производило мало впечатления. В июле Мейергофер писал, что сербская артиллерия состоит из 8 пушек, что в военной школе учится 30 чел., а сельскохозяйственная школа в Толчидерах хотя и устроена на военный лад, но никакой опас-

¹ «Письма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу». Т. II, стр. 352—367. Белград. 1931.

² Попов Н. «Россия и Сербия». Ч. 2-я, стр. 351. М. 1869.

³ АВП, К., Belgrade, 1853 г., д. № 184, л. 38.

⁴ АВП, К., Vienne, 1853 г., д. № 145, л. 356.

⁵ Јовановић, С. «Уставобранители...», стр. 105.

ности не представляет. Невысоко оценивал он и качества Орелли¹. В этот момент (июль 1853 г.) Нессельроде распорядился командировать в Сербию Фонтоня, чтобы предупредить князя и сербские власти о возможных последствиях кризиса; в частности Фонтон должен был указать на опасность революционной пропаганды, разливающейся по Европе и нашедшей своё частное выражение в эфирском восстании, о котором мы скажем ниже.

Чтобы обезопасить Сербию от этих влияний, Фонтон должен был требовать удаления опасных лиц, занимавших военные и гражданские посты, и рекомендовать князю и правительству действовать в интересах лишь сербского народа. В первом же свидании с руководителями сербского правительства Фонтон призывал к корректности и указывал, что Россия не допустит ущерба для Сербии. Одновременно с переговорами в правительственных сферах Фонтон занимался агитацией, не скрывая «от сербов надежды, которые возбуждены были в нём самом поднявшимся восточным вопросом», а «в Тополе у гроба Кара Георгия с жаром говорил собравшемуся народу о подвигах его первого вождя»².

Делая всё это, он не упускал случая выяснить военные ресурсы Сербии. Из последующей переписки мы знаем, что в процессе переговоров князь возбудил вопрос о снабжении оружием и, в частности, об отпуске 10 тыс. рублей. Но в силу нежелания Австрии посредничать в этом деле и невозможности переправить оружие иным путём вопрос был отложен до того момента, пока Сербия не окажется под реальной угрозой³.

Одновременно с Фонтоном действовал русский посол в Вене Мейендорф. Он имел переговоры с находившимся в это время за границей Гарашаниным и в этих переговорах старался внушить ему мысль о нецелесообразности вооружений и большей разумности использовать деньги на другие, полезные народу и стране дела. Он указывал, что Сербия не должна раздражать ни Австрию, ни Турцию, а поддерживать с ними дружеские отношения, — в этом залог мирного существования Сербии⁴.

Смысл этих противоречивых уговоров был ясен. Россия хотела, чтобы Сербия спокойно дожидалась развития событий. Спокойствие в данный момент было важно, чтобы помешать Сербии сделать преждевременный шаг, который поставил бы и её и русские интересы на Балканах в трудное положение. Вот почему вопрос о позиции Сербии теперь привлек внимание ещё одной заинтересованной державы.

В начале октября Турция передала сербскому правительству запрос по этому поводу и требовала противодействовать России в случае её попыток проникнуть на территорию княжества. Через несколько дней Турции был послан ответ, по совету русского представителя, содержащий в себе указание на соблюдение Сербией полного нейтралитета. Сербия заявляла о нежелании превратить княжество в арену борьбы враждебных армий и угрожала в случае вступления турецких войск призвать русские⁵.

Ещё сказывавшееся русское влияние, попытки нового консула Мухина организовать руссофильскую партию заставили Турцию возбудить вопрос об отозвании Мухина. Мотивировано это было тем, что Сербия — вассальная провинция, имеющая лишь внутреннюю автономию. Сербия, боясь какого-либо конфликта, со своей стороны поддержала турецкое требование. Решено было спустить флаг на консульстве, закрыть его, а Мухина уже в качестве частного лица переместить в Землин⁶. Это было концом дипломатической стадии русско-сербских отношений. Теперь наступила полоса, когда отношения с Сербией мало чем отличались и по форме и по задачам от отношений с Черногорией.

¹ АВП, К., Vienne, 1853 г., д. № 146, л. 274—279.

² Попов Н. Указ. соч., стр. 352.

³ АВП, К., Belgrade, 1853 г., д. № 184, л. 133—135; Vienne, 1853 г., д. № 147, л. 160.

⁴ «Письма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу». Т. I, стр. 125—126, 149.

⁵ АВП, К., Vienne, 1853 г., д. № 147, л. 130—133.

⁶ АВП, К., Belgrade, 1853 г., д. № 184, л. 27—29, 37, 43, 44, 136.

В новой инструкции Мухину, от 21 ноября (3 декабря) 1853 г., Нессельроде писал о необходимости поддерживать отношения с князем, убеждая последнего и его советников не слушать советов англо-французских консулов об участии в планах Порты. Независимо от переговоров с сербским правительством новая инструкция предлагала следить за могущим развиться в Сербии и Боснии народным движением. Нужно, чтобы подобное движение имело шансы на успех и было выгодно для хода русско-турецкой войны. Вопрос об этом восстании — «это главная задача наблюдательного поста, на котором вы сейчас находитесь»¹. Собираение агентурных сведений, соединение в своих руках всех нитей этого восстания — вот забота, которая сразу столкнулась со стремлением турок запретить Мухину ездить в Белград. Но запретить было нельзя: Мухин ездил с австрийской визой. Тогда Турция решила применить другое средство для борьбы с русским влиянием: выпустить фирман, который подтверждал бы права Сербии. Вопрос о том, как следует Сербии отнестись к этому фирману, вызвал оживлённую переписку между Петербургом и русскими дипломатическими агентами. Мухин в донесении от 14(26) января 1854 г. сообщал Нессельроде о своих разговорах с князем, которого он убеждал отвергнуть фирман. Это было важно потому, что принятие фирмана означало признание благодетельности Турции и сводило бы на нет роль России в качестве гаранта сербской государственности и самого существования Сербии. Последняя понимала мотивы русской настойчивости, и правительство её, само испытывавшее колебания, нащупывало почву. От имени сербского правительства Симиц запрашивал указаний Горчакова, в то же время явно намекая на намерение принять фирман².

Но вполне отчётливо сербская точка зрения была формулирована в письме князя Александра к Горчакову. Князь писал, что принятие фирмана не изменит юридической стороны дела. Отношения России и Турции относительно Сербии оформлены договорами между ними. Никакой односторонний акт Турции не может здесь изменить положение. Учитывая же положение Сербии в создавшейся обстановке, целесообразно, с точки зрения её интересов, фирман принять. «Отказ (в приёме фирмана. — С. Н.) опасен и непростителен как с точки зрения законности, так и выгод»³.

21 января (2 февраля) 1854 г. состоялось торжественное чтение фирмана, чего так не хотела Россия и к чему очень стремилась Австрия. Недаром, когда сербский представитель Янкович беседовал в Вене с Буолем, последний советовал принять фирман и добавил: «Если вы нарушите отношение ваше к Порте, знайте, что войска наши готовы принудить вас к миру... Мы с Россией в дружбе, но не потерпим, чтобы Сербия сделалась русскою провинциею»⁴.

Это своё намерение Австрия обнаруживала на деле. Концентрация австрийских войск на сербской границе шла своим чередом. 16 января 1854 г. было приказано пододвинуть эти войска к Землину. А вскоре после переезда начальника сербско-банатского армейского корпуса Каронини в главную квартиру, в Землин, корпус был ещё усилен. Был передвинут к границе ряд других воинских частей. Все эти приготовления не могли не оказать своего действия на Сербию. Она, с одной стороны, продолжала вооружаться, с другой, — ей приходилось решать вопрос о своей ориентации. Этот вопрос обсуждался в совете княжества и свою самую отчётливую формулировку нашёл в записке Мариновича — начальника сербской дипломатической канцелярии.

В записке Маринович взвешивает соотношение сил и шансы Сербии при наличной ситуации. Прекрасно понимая стремление России переве-

¹ АВП, К., Belgrade, 1853 г., д. № 184, л. 137—142.

² АВП, К., Bucarest. 1854 г., д. № 176, л. 8—9.

³ Там же, л. 10—15.

⁴ АВП, К., Belgrade, 1854 г., д. № 184, л. 39.

сти в нужный момент сербский нейтралитет в вооружённое вмешательство на её стороне, Маринович считает, что это привело бы Сербию к риску потерять то международное признание, которое получил факт самостоятельного решения Сербии сохранять нейтралитет, риску, тем более существенному, что Сербия — вассал Порты. Но это не единственный мотив. Оценивая возможный исход войны, автор записки считает невероятной победу России над её противниками; диктовать свою волю Европе Николаю I не удастся: или противники так ослабят друг друга, что станет неизбежным заключение мира, или Россия добровольно примет в той или иной форме венскую ноту, или, наконец, будет вынуждена к этому ходом событий. Во всех этих случаях Сербия не выиграет, в двух последних — проиграет. «Я твёрдо остаюсь при мнении, — пишет Маринович, — что нам не должно выступать из нейтральности, пока не изменятся виды настоящей политики; а потому я бы не обещал русским ни волонтеров, ни какого другого участия, потому что это нас поведёт шаг за шагом далеко. Я бы им искренне объяснил, что мы не можем их пустить в нашу землю и что мы принуждены тому воспротивиться, чтобы не компрометировать себя перед Портою и Австрией ни письменно, ни на деле; а во всём другом я бы продолжал с ними лучшие сношения, но не можем принести на жертву всё наше существование из малой выгоды, которая для них из того может произойти»¹. Понятно разочарование Николая. «Эта бумага, — писал он по поводу записки Мариновича, — ясно доказывает, что от сербов никакой помощи не будет; это предвидено, и на это мы и не рассчитываем, но быть может, что народ не пожелает следовать сему направлению и свергнет князя».

Решение сербов вполне понятно: такие выводы диктовала весьма реальная угроза военной оккупации как со стороны Австрии, так и со стороны Турции, которая, в связи с движением русских войск в Валахии, в феврале 1854 г. предупреждала Сербию о неизбежном введении в неё своих войск, если угроза со стороны России станет ещё непосредственной, а уверенности в сербском противодействии русским попыткам у Порты не будет².

Однако надежда отвлечь часть сил с Дунайского фронта не оставляла русское правительство. Оно делало попытки сформировать из сербов партизанские отряды, считая, что это наиболее удобный путь, не являющийся нарушением сербского нейтралитета, поскольку правительство Сербии не будет к этому иметь никакого касательства.

Находившийся на русской службе племянник князя Александра Карагеоргиевича был послан в Сербию с целью убедить своего дядю теснее соединиться с Россией. Он должен был указать князю, что ориентация на морские державы даст возможность сохранить права, гарантированные русско-турецкими договорами, если же Сербия выступит на стороне России во главе восстания других славянских провинций, она обезопасит свою территорию от вторжения, получит помощь русской армии и откроет путь к дальнейшему расширению прав³.

Аналогичные по форме, но противоположные по содержанию обещания и угрозы слышались от представителей Англии и Франции. Австрия же в феврале 1854 г. прямо заявляла, что «не потерпит никакого выступления (mouvement) на своей границе и в своём соседстве». Итог всех этих противоположных внушений подвёл посланный весной 1854 г. в Сербию и Черногорию русский генерал, грек по происхождению, Салос. Ему поручалось выяснить возможность выступления этих народов. В Белграде Салосу удалось заручиться заверением митрополита, что сербы двинутся при первом сигнале.

¹ АВП, К., Belgrade, 1854 г., V. A2, № 237, л. 74. Приведено у Н. Попова. Указ. соч. Т. II, стр. 360—364.

² АВП, К., Belgrade, 1854 г., л. № 184, л. 59—60.

³ Там же, д. № 185. Нессельроде — князю Варшавскому 18 апреля 1854 г., л. 89.

Однако в Белграде он узнал о решении русского командования очистить правый берег Дуная и сообщил об этом митрополиту, который, услышав эту весть, выпроводил его с проклятиями.

Пока шли подготовка к восстанию в Черногории, так неудачно закончившаяся, и обработка Сербии, произошло одно из желанных Николаем I восстаний, правда, не общее восстание, а частичное. Мы имеем в виду восстание в Эпире. Ещё в декабре 1853 г. с главнокомандующим князем Горчаковым повёл переговоры бухарестский адвокат Мано, представитель подпольной греческой организации, до того побывавший у русского посла в Вене. Он сообщил о наличии в Греции тайного общества, возглавляемого генералом Кицо Цавеласом, адъютантом короля Оттона, Хаджи Петро и ярким противником Оттона известным поэтом Пацайотом Суцо. Это общество образовало своё агентство — эфорию — в княжествах, куда входили Мано и князь Мурузи. Подписанная руководителями общества инструкция уполномочивала эфорию на сбор денег и вступление в переговоры с русскими, чтобы заручиться их помощью в намеченном предприятии. Общество ставило своей целью организовать «вторжение свободной Греции в Фессалию, Эпир и Македонию», чтобы добиться путём восстания присоединения населённых греками провинций к королевству. Предполагалось, что из Греции двинется экспедиция в составе трёх корпусов, под верховным командованием Цавеласа, и оккупирует греческие области. Наличные силы экспедиции насчитывали 9 тыс. человек¹.

Сообщение это и заинтересовало и испугало Горчакова. С одной стороны, Мано, участник восстания 1821 г., был человеком с испорченной репутацией, с другой, — вопрос был достаточно важен, чтобы им заинтересоваться. Горчаков направился в Яссы, где жил Мурузи, но узнал мало нового. Повидимому, Мурузи держался уклончиво и осторожно, боясь скомпрометировать себя. Он заявил Горчакову, что знает столько же, сколько и тот, признался, что к Мано имеет мало доверия. Но подписи руководителей восстания на инструкции он признал подличными и выразил уверенность о наличии в Греции многочисленной партии, готовой поднять оружие. В заключение он предлагал поручить ему точнее выяснить обстановку в Афинах, командировав его туда. Этого предложения Горчаков не принял и решил вообще воздержаться от посылки агента в Грецию. Он боялся, что самый факт посылки эмиссара будет свидетельствовать о поддержке инсurreкции, что поддержка в данный момент приведёт только к оккупации Греции турецкими или англо-французскими войсками; Горчаков сомневался, действительно ли организация имеет тот характер, о каком говорит её представитель, а главное, боялся без ведома своего правительства на что-нибудь решиться, так как решать что-либо было непривычно для Горчакова. Николай I одобрил кунктаторство главнокомандующего, разделяя его сомнения относительно характера организации и считая неприемлемым подобное предприятие в княжествах. Но главное было не в этом. В стремлении к активному выступлению за освобождение подвластных Турции греков Николай усмотрел крамолу, революцию. Его испугал переход повстанцами греческой границы, его привело в смущение то, что подготовка этого движения шла без согласия и ведома короля. «В глазах государя, — писал Нессельроде Горчакову, — предприятие этого рода — демонстрация против Турции в пользу её христианских подданных, — если бы оно было осуществлено, имело бы характер открытого возмущения против греческого монарха и гражданской войны в недрах королевства. Поэтому оно не может получить одобрения нашего августейшего повелителя и тем менее какой-либо поддержки с

¹ АВП. Азиатский департ. I отделение, политический стол, оп. 45, д. № 21, 1853 г. «О восстании в Эпире», л. 2—13. (Дальше указываем номер дела, год и лист.)

нашей стороны»¹. Всё же для выяснения дела решено было послать в Грецию специального человека, поручив ему на месте собрать все необходимые сведения.

Интересно, что столь легитимистская позиция была занята Николаем I несмотря на те авансы, какие делал греческий посол в Лондоне русскому послу Бруннову ещё в сентябре 1853 года. В беседе с последним греческий посол говорил о возрождении старой гетерии, о наличии стремлений к низвержению баварской династии и о возведении на королевский греческий трон старшего сына великой княгини Марии Николаевны².

Не теряли надежды на более благосклонное отношение России к их попытке освобождения и греки. В конце декабря Мурузи, при первом свидании сославшись на неосведомлённость, представил Горчакову обширную записку, где излагал историческое развитие освободительного движения среди греков. Он говорил о положительной роли фанариотов, доказывал, что восстание 1821 г. было чуждо коммунистических идей, рассказывал о постоянном стремлении греков к освобождению подвластных туркам греческих земель и о широком повстанческом движении, которое охватит страну, как только в неё вступят греческие отряды. Из Афин распорядительная комиссия благодарила Горчакова за обещание денежной помощи и обсуждала его соображения о возможности закупки оружия, хотя в депеше, посланной Нессельроде, Горчаков заявлял, что никаких обещаний он не давал.

Тем временем распорядительная комиссия начала действия. Первый небольшой отряд был послан в Эпир, но, встреченный турками, был принуждён дать бой. 21 января (2 февраля) 1854 г. в афинской газете «Век» была опубликована прокламация эпиротов с призывом к восстанию, сопровождавшаяся таким редакционным комментарием: «С нами бог, братья!.. Время идёт. Час борьбы настал. Недовершённое дело 1821 г. завершается, и каждый ответствен перед всемогущим богом и родиной за клятву, уже произнесённую в Эпире нашими братьями, первыми восставшими за греческую империю и против врагов веры и родины»³.

Вся эта подготовка не могла быть не замеченной представителями держав в Греции. Английский посол Уайс протестовал против передвижки военных частей и пропаганды тайного общества, он угрожал, и греческое правительство уверяло в своей нейтральности. Франция убеждала в необходимости сохранять нейтралитет, указывая, что цель России — Константинополь и что Россия представляет собой угрозу независимости Греции. В Париже даже воспользовались услугами польского издательства, чтобы напечатать сборник материалов, доказывающих русские претензии на Константинополь и весь Ближний Восток⁴. Англия в свою очередь напечатала в Афинах переписку лорда Сеймура и Кларендона, где встречались заявления Николая, что он не допустит расширения Греции. Однако момент был не таков, чтобы эта брошюра привлекла внимание, но совсем не потому, что действовали русские деньги, как думал Бамберг⁵. Греки прекрасно учитывали, что могут встретить впоследствии сопротивление России, но они понимали, что Европа, а не одна Россия будет решать вопрос.

Тогда же русско-турецкое столкновение давало удобный момент для достижения давних стремлений к национальному единству. Грекам были ясны и мотивы противодействия со стороны западных держав. «Морские

¹ АВП, д. № 21, 1853 г., л. 78.

² АВП, К., Londres, 1853 г., д. № 75. 30 сентября — 12 октября 1853 г., № 267.

³ АВП, д. № 21, 1853 г., л. 40.

⁴ Driault et Lheritier. «Histoire diplomatique de la Grece». Т. II, p. 384. Paris. 1925.

⁵ Bamberg F. «Geschichte der Orientalischen Angelegenheit im Zeitraume des Pariser und Berliner Friedens». S. 101. Berlin. 1892.

и торговые державы Запада, — писала греческая газета «Восточный наблюдатель», — заинтересованы в существовании на Востоке большого варварского государства без промышленности, системы управления, чтобы иметь возможность продавать ему свои товары, не боясь конкуренции, тарифов, иметь возможность эксплуатировать его и направлять к своей выгоде»¹.

Шла запись добровольцев, офицеры бросали службу и становились во главе партизанских отрядов, освобождённые из-под ареста дезертиры немедленно толпой ушли в Эпир. Восстание началось 15(27) января 1854 года. Провинция Радовисти в Эпире провозгласила свою независимость. Её примеру последовали провинции Цумереа, Ламарис, Арта, Аграфа. Начались бои. После удачных для греков стычек 18 и 19 января турки отступили в Аргу, которая была блокирована. Силы повстанцев, по их подсчётам, составляли 8 тыс. человек. Они надеялись на дальнейший рост движения и понимали, что в этом росте — залог успеха. Распорядительная комиссия всемерно старалась добыть деньги и просила у Горчакова 100 тыс. дукатов. «Мы должны купить помощь албанцев и направить их против турок... Нам необходимо оружие, и оно может быть куплено только за границей», — писал П. Суцо своему родственнику К. Суцо, который должен был вступить в Вене в переговоры с Мейендорфом. Представители тайного общества обращались и непосредственно к Горчакову. Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, руководители восстания весьма надеялись на помощь России. В письмах, которыми они обменивались со своими представителями в Бухаресте, выражается уверенность в денежной помощи, даются указания, кому её адресовать, указывается греческий купец в Лондоне, который будет непосредственным агентом по закупке оружия. Было, повидимому, что-то в первоначальном тоне Горчакова, что понималось представителями греческого национального движения как ободрение, внушавшее надежду на желательный для них исход переговоров, — только так можно понять те благодарности по адресу командующего русской армией, которые расточаются в письмах греческих деятелей. Но если раньше и были даны Горчаковым какие-либо неопределённые обещания, теперь он был вынужден вполне решительно заявить, что Николай I не дал своего согласия на поддержку греческого движения. Однако, сообщая о решении русского правительства, Горчаков не считал нужным разочаровывать греков вполне; он внушал им мысль, что «невозможно теперь предсказать точку зрения, с какой их усилия будут рассматриваться позднее». В то же время он старался внушить руководителям русской внешней политики мысль о целесообразности поддержки восстания. «Эта диверсия могла бы нам быть очень полезна», — писал он Нессельроде, прося его разрешения «ободрить гетерию от имени нашего кабинета и ей послать, пусть лично от меня, 40 тыс. дукатов, которые ей очень нужны, чтобы покрыть необходимейшие расходы по этому предприятию»². Но в кругах русских дипломатов эта мысль не встречала поддержки, а Мейендорф внушал Петербургу мысль о необходимости задержать начавшееся движение. «Если я не ошибаюсь, — писал он Нессельроде, — для нас существенно предупредить этих храбрых эпиротов, чтобы они не бросились очертя голову в предприятие, важность и трудность которого не взвесили достаточно вожди... Если движение будет раздавлено в самом начале, вместо того, чтобы увеличить нашу моральную силу, в Европейской Турции, оно ослабит её. Если оно удержится теперь и распространится позже, державы узнают, что турецкие христиане нуждаются в иностранном покровительстве»³.

Ещё более резко он ставил вопрос в другой депеше: «Это движение представляется мне преждевременным, и я сомневаюсь, что средства, ка-

¹ Driault et Lheritier. Op. cit. T. II, p. 386.

² АВП, д. № 21, 1853 г., л. 44—45.

³ Meyendorff P., Op. cit. Bd. III, S. 125.

кими располагают повстанцы, находятся в соответствии с препятствиями, которые они встретят... Если попытка будет задавлена турецкими силами... хорошо, если будут знать, что мы не поддерживали эту попытку»¹.

Не прекращалось возбуждение и в Афинах. В семинарии один из учащихся сбросил с себя подрясник, сбрил бороду и призывами к оружию увлёк за собой своих товарищей, обязавших ректора стать во главе их отряда. Правительство короля Оттона не имело сил и желания препятствовать патриотической акции. Оно стояло перед альтернативой: вызвать внутреннее возмущение в случае попытки препятствовать движению или предоставить событиям развиваться. Избрали последнее.

Но на Николая I не повлияло ни это спокойное отношение греческого правительства, ни заявления распорядительной комиссии, что она ждёт решения «великого покровителя эллинов» о дальнейшей судьбе жаждущих освобождения Фессалии, Эпира и Македонии, ни просьбы о присылке специального лица, чтобы руководить восстанием. На депеше Горчакова от 8(20) февраля, где он советовал поддержать гетеристов, Николай написал: «В том, что решено, менять нечего», — а по поводу записки гетеристов, где излагались мысли относительно освободительной борьбы, отмечал, что эти соображения далеки от действительного положения вещей.

Пока повстанцы прилагали героические усилия в неравной борьбе с силами огромной армии Омер-паши, пока руководители русской армии и внешней политики взвешивали шансы на успех восстания, проявили активное участие в этом вопросе представители Англии и Франции. Греческому послу в Лондоне Трикупису в феврале 1854 г. было заявлено, что следует выбирать между расположением этих стран и блокадой Афин, так как правительства их не допустят восстания в Турции и поддержки его греческим правительством. Аналогичные указания были сделаны Францией и в порядке общедипломатическом и в личном письме Наполеона III к королю Оттону. Австрийский император Франц-Иосиф в разговоре с русским послом Мейендорфом 9(21) февраля заявил, что «восстание христианских народностей Турции не может быть согласовано с поддержанием status quo, которое одно только и в состоянии гарантировать интересы Австрии»².

21 марта 1854 г. Турция разорвала отношения с Грецией. 15 апреля н. с. Англия и Франция объявили официально о посылке союзных отрядов в Пирей. Эти шаги морских держав были тем более уверенными, что Венский протокол 30 марта (11 апреля) показал полное согласие Австрии и Пруссии с ними. Единая позиция западноевропейских держав, требовавших целостности Оттоманской империи, вывода русских войск из княжеств, оставляла Россию изолированной.

Всё это чувствовали на себе повстанцы, на которых давление турок становилось сильнее, хотя и силы восставших росли. В марте 1854 г. гетеристы сообщали Горчакову о крупных турецких силах, двинутых в Эпир, и просили произвести диверсию на Дунае для отвлечения внимания турок на основной театр войны. Эта просьба пришла уже после перехода русской армией Дуная и занятия Тульчи и Матчина. Было признано поэтому, что просимая диверсия уже произведена. Может быть, более активные действия русской армии могли бы принести пользу греческому движению, так как первые французские части высадились в Пирее лишь в мае, а англичане прибыли после них, но таких действий не было. Это объяснялось отчасти политическими соображениями — позиция Австрии в это время была угрожающей, и русский посол в Вене Мейендорф писал: «Помощь восстанию не стоит войны с Австрией»³, — а отчасти широко

¹ АВП, д. № 21, 1853 г., л. 53—55.

² «Русская старина» за сентябрь 1888 г., стр. 565.

³ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III, S. 138.

известной неспособностью командования и технической слабостью армии, повлекшими неудачу всей Дунайской кампании.

Восстание в Эпире было подавлено, и Россия не могла бы оказать необходимой помощи, если бы и попыталась сделать это. «Греческое движение, — писал в апреле Горчакову Мейендорф, — не делает таких успехов, какие были объявлены... В настоящее время речь идёт только о том, чтобы не позволить раздавить этих несчастных, и для того им нужно послать денег и оружия, но всё придёт слишком поздно, так как движение было преждевременным»¹.

Тройная неудача русской политики на Балканах была очень важным фактом в ходе Восточной войны. Она показала глубочайшее заблуждение Николая I относительно позиции Австрии и её вероятной роли в развитии событий; она свидетельствовала о крахе того плана войны, какой был намечен Николаем и его советниками.

Николаевское правительство смотрело на балканские народы лишь как на средство осуществления своих военно-политических планов и не учитывало собственных интересов их. Оно переоценивало слабость Турции и готовность славян в любой момент подняться по мановению руки «покровителя православия» на Востоке.

Провал расчётов на общее восстание в Турции, расчётов, ведших к медлительности военных мероприятий, не мог не отразиться на дальнейшем течении войны. Вся её вторая половина предвещала крах кампании. Николаевское правительство, не будучи способно осуществить свой агрессивный план, оказалось вынужденным к пассивной защите. Ею и была борьба за Севастополь. Севастопольская оборона показала героизм сражавшегося русского народа, но не могла спасти уже потерпевший неудачу режим.

¹ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 150.